

УДК 340
ББК 67.3(2)44

А.В. Шободоева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В МОСКОВСКОЙ РУСИ XV–XVII ВВ. И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Посвящена исследованию проблем государственной службы в Московской Руси. Показаны характерные черты и особенности государственной службы, структура служилого сословия, правовое регулирование его положения, причины коррупции среди московского чиновничества.

Ключевые слова: государственная служба, государственное управление, государственный аппарат, чиновничество, коррупция.

A.V. Shobodoeva

PUBLIC SERVICE IN MUSCOVY OF XV–XVII CENTURIES AND PECULIARITIES OF ITS LEGAL REGULATION

The author studies issues of public service in Muscovy, shows its characteristics and peculiarities, and describes the structure of the service class, legal regulation of its position, and reasons for corruption among Moscow officials.

Keywords: public service, state management, state machinery, officials, corruption.

Государственная служба в России имеет интереснейшие исторические корни, а ее традиции уходят в глубины времени более чем на тысячу лет. Задолго до реформ Петра I в русском государстве проходили процессы, которые привели к появлению структур — прообразов государственной службы. Поэтому и более ранние этапы истории государства и права нашей страны представляют серьезный интерес для исследователей, особенно в рамках современного реформирования государственной службы в Российской Федерации.

«Служить», по В.И. Далю, означает «...состоять на государственной или общественной службе, при должности, занимать место с известными обязанностями, быть при месте» [6, с. 224]. Это понятие начинает получать свое активное развитие в эпоху формирования Московского централизованного государства.

Процесс создания единого Московского государства — это не только объединение русских земель вокруг одного центра, но и формирование новой системы государственного управления и государственной службы. Выделение управленческой деятельности в важную самостоятельную профессиональную сферу, появление многочисленного слоя государственных служащих, таким образом, происходило одновременно со становлением как централизованного русского государства, так и единого державия. В данной статье мы ограничимся попыткой рассмотреть вопрос о службе гражданской, хотя ее очень сложно, для данного времени, отделить от военной и придворной.

На развитие государственной службы влиял ряд факторов:

1. Упадок общинно-вечевых форм политической организации общества. В удельный период русские князья должны были считаться не с мнением народного собрания, а с золотоордынскими ханами, от рас-

положения которых зависело — получит ли русский князь ярлык на свое княжение или нет. Когда в конце XV в. Московская Русь получила независимость, древнерусская традиция, основанная на вассалитете, постепенно трансформировалась и приобрела отношения подданства, как на Востоке.

2. Усиление политического веса княжеской власти. Царь рассматривал государство как свою вотчину, т.е., фактически, как собственность, вместе с живущими в государстве людьми. Власть распространялась, таким образом, на все слои населения, в том числе и привилегированные. Бояре и дворяне становились государственными подданными, а, соответственно, лишались свободы (в первую очередь, самовольного отъезда) и начали именоваться «государственными холопами». При этом они по-прежнему остались высшим сословием, так как не облагались налогом.

3. Сдерживание оттока или бегства населения на окраины являлось главной заботой правящей власти. Решение этой проблемы было найдено в создании особой служилой системы, при которой каждый слой общества имел право на существование лишь постольку, поскольку нес определенный круг повинностей, т.е. каждый подданный принадлежал к определенному сословию, исполняющему свои обязанности — службу или тягло.

4. Сакрализация власти главы государства, когда на основе православных постулатов царь рассматривался как наместник Бога на земле, что полностью выводило властителя из-под контроля общества. Для государственных служащих, следовательно, полное подчинение государю было обязательным.

5. Служение не собственно государству, не обществу, а конкретному государю — это устойчивая норма российской государственной службы, что являлось, во многом, результатом сочетания киевской традиции служения дружины князю и сакрализации власти. Отсюда — не публичность как одна из характернейших черт нашей государственной службы. И только к XVII в. данный вектор стал изменяться от «государевой службы» (служения, прежде всего, непосредственно первому лицу) к службе государству, где частная служба государю неразрывно слилась с публичной службой государству.

В Московской Руси к XVII в. сформировался достаточно стройный аппарат государственной власти, ведущими структурными звеньями которого являлись Боярская Дума (Судебник 1550 г. юридически закрепил ее полномочия) и Приказы — центральные административные территориально-отраслевые органы. Что касается организации системы местного управления, то здесь четко просматривались три этапа: период кормлений (система содержания и материального поощрения государственной бюрократии за счет местного населения); период земского и губного самоуправления; период приказно-воеводского управления в сочетании с местным самоуправлением.

Разобраться в системе формирования лестницы государственной службы сложно без уяснения изменений, происшедших в социальном составе общества в XV–XVII вв. В контексте нашей темы необходимо, хотя бы в общих чертах, представить положение боярского сословия и нового, поднимающегося слоя дворянства. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что сложившийся к XV в. служилый класс был образован за счет понижения прав бояр и постепенного повышения прав дворян [2, с. 139].

Боярство по-прежнему оставалось политической элитой страны, но, во-первых, удельный период (XII–XV вв.) характеризовался падением былого значения патриархальной боярской аристократии; во-вторых, основной характерной чертой нового Московского боярства стала внутренняя неоднородность (фамильная и национальная) и строгая иерархичность; в-третьих, в нач. XV в. изменилось значение понятия «боярин» (если ранее это понятие представляло собой титул, определяющий принадлежность к сословию крупных землевладельцев-вотчинников, то в Московском государстве им стали определять верхушку всего служилого сословия России); в-четвертых, государственные служащие рекрутировались преимущественно из высших слоев русского общества. Для боярства, объединявшего родовые корпорации знати, наибольшее значение имели два признака: первый — древность рода (некоторые родовые корпорации вели свою историю с IX–X вв.); второй — знатность рода, которая определялась принадлежностью к княжеским фамилиям. В Москве постепенно утвердился главный принцип боярской иерархии, где знатность рода имела преимущество перед древностью [3].

Следующим слоем, пробивающимся в политическую элиту, являлось дворянство. Новый служилый класс был необходим, прежде всего, в связи с постоянными войнами и необходимостью отражения набегов. По сравнению с предыдущим киевским периодом, данная социальная категория эволюционировала от слуг княжеского двора до членов княжеского административного аппарата, вооруженных слуг князя. В составе дворянского класса большие изменения произошли в конце XV–XVI вв. Они, как и у боярства, были связаны с созданием единого Московского государства. Можно условно представить «лестницу знатности» дворянского сословия.

На первой ступеньке находились дворяне, которые «в Думе живут». Думное дворянство в XVI–XVII вв. стало своего рода субсословием внутри дворянства [1, с. 32]. Ниже стояли московские дворяне, служившие по так называемому «московскому списку», особо почетному и влиятельному. Далее — выборные дворяне, т.е. верхушка провинциального или городского дворянства. Как и дворян московских их привлекали на престижную военную, гражданскую, придворную службы. И, наконец, городовые дворяне — основная масса провинциального уездного дворянства.

Сразу нужно показать принципиальное различие между дворянством и боярством. Дворяне получали землю под условие обязательной службы, т.е. изначально являлись сословием служилым. В XV в. в источниках впервые появляется термин «поместье».

Права аристократических родов занимать определенные места на государственной службе регулировались традиционной иерархией родов и обычаем местничества. Местничество — это институт, регламентировавший внутриэлитные диспозиции между чинами служилых боярских фамилий на придворной, административной, военной службе. Каждому роду было четко определено его место — разряд с записью в разрядных книгах. Местничество возникло не ранее XV в., и было связано с привлечением бояр в обязательно-служилых людей. Сущность местничества — в споре боярских фамилий между собой о служебном старшинстве. Причем предметом спора являлись не сами места или виды службы, а положение на службе одного боярского рода относительно другого. Местничество, таким образом, затрудняло государственную работу, так как,

во-первых, блокировало выдвижение лиц на основе личных и служебных качеств; во-вторых, владельческие и политические полномочия боярства передавались по наследству, что не стимулировало правящий класс к исполнению службы. Принципиально изменились и взаимоотношения власти с боярским классом. Расширяющиеся политические притязания боярства ставили под угрозу политическое равновесие в государстве, да и родовой идеал вошел в противоречие с государственным. И в 1682 г. местничество было отменено, что, фактически, положило конец правлению боярства в качестве политической элиты.

Характерной чертой государственной службы XV–XVII столетий являлось то, что генеалогические слои боярства и дворянства одновременно представляли и служилые чины, достаточно четкая лестница которых сложилась к XVII в.

Известный русский историк Н.П. Павлов-Сильванский отмечал, что в Московской Руси, как должности, так и чины (в значении почетных званий) — одинаково назывались чинами, многие из московских чинов имели смешанный характер должностей и почетных званий или званий и почетных наименований. Эти обстоятельства значительно затрудняли их классификацию. Чины-звания постепенно вырабатывались из должностей, утративших свое первоначальное значение [15, с. 147].

Высший слой «служилых людей» формировался в рамках института, который назывался Государев двор. В XIV–XV вв. в процессе становления государства произошло слияние дворов удельных князей с двором великих князей московских. Государев двор образовался первоначально как некоторое подобие единого госаппарата, а затем как объединение высших государственных служащих. Этот институт сохранялся на протяжении всего периода существования Московского государства, вплоть до начала XVIII в. Он делился на чины [3].

Относительно проблематики данной статьи, автор придерживается позиции, что все иерархические разряды, на которые делилось общество в Московском государстве, назывались чинами. В данном случае чин — это общественный слой, который нес свою специфическую государственную повинность, соответствующую его экономическому состоянию. Нас интересуют чины собственно служилые, хотя ряд государственных функций (руководство таможнями, сбор пошлин и т.д.) было возложено и на другие слои общества, в частности, на купечество.

Чины служилые делились на две большие группы: чины служилые «по отечеству» и чины служилые «по прибору». Чины служилые «по отечеству» — это лица, которые несли свою государственную службу по своему происхождению как наследственную повинность. Они, в свою очередь, распадались на чины думные и чины собственно служилые.

Думные чины — бояре, окольничие, думные дворяне. Два высших чина боярина и окольничего имели исключительно значение почетных званий. Лица в звании бояр занимали высшие должности по гражданскому и военному управлению и присутствовали в совете государя — Боярской думе. Им поручалось управление главными приказами, они управляли областями в качестве наместников и воевод, вели дипломатические переговоры с иностранными послами. Люди в звании окольничего занимали должности того же рода, что и бояре, но с меньшим значением. Окольничие самостоятельно управляли многими приказами, иногда же назначались товарищами к боярам, начальникам приказов. К XVII столетию третий из высших чинов, чин думного дворянина, так-

же имел преимущественно значение почетного звания. Первоначально же в XVI в. этот чин был названием должности члена совета, дворянина, присутствующего в Думе.

Эти три звания первого разряда, чины бояр, окольничих и думных дворян давались соответственно знатности лица. По общему правилу эти звания не составляли лестницы чинов, последовательно проходимой служащими, но жаловались непосредственно, независимо один от другого, служащим более низших чинов, смотря по родовитости фамилии, к которому принадлежало жалуемое лицо [15, с. 147–149].

Собственно служилые чины делились на чины московские и чины городовые. Чины московские (столичные) — стольники, стряпчие первоначально различались родом придворной службы. Они назначались воеводами, служили и в органах высшей администрации, например, начальниками второстепенных приказов.

Что касается чинов городских, то это: дворяне выборные (или выбор); дети боярские дворовые; дети боярские городовые. Эти слои — дворянство провинциальное. Для рядового, «городового» дворянства цепь чинов увеличивалась лишним звеном, чином «жильца». Это было низшее придворное звание. Городовые дворяне добивались этого чина, потому что он давал им возможность выслугой достигнуть высших чинов стряпчего, стольника и т.д. Иерархия московских чинов-званий, таким образом, может быть представлена в следующем виде:

1. Бояре. Окольничие. Думные дворяне.
2. Стольники. Стряпчие. Московские дворяне.
3. Жильцы. Выборные дворяне из городов. Дворовые дети боярские (или дворяне). Городовые дети боярские [15, с. 153–154].

Если рассматривать различия между служилыми чинами «по отечеству» и «по прибору», то последние не составляли служилую иерархию, а считались равными между собой, отличаясь лишь родом военной службы, а не достоинством звания.

Особый ряд чинов составляли приказные чины думных дьяков, дьяков и подьячих. Два ряда чинов приказной и придворной службы «замыкались» наверху одними и теми же почетными званиями — думный дворянин, окольничий, боярин.

Данная лестница чинов складывалась постепенно. Круг государственных служащих впервые в достаточно полной мере был очерчен в Судебнике 1550 г. (Судебник Ивана Грозного), что видно уже из заголовка данного документа: «Лета 7000 пятьдесят осмага июня царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси и с своею братьею из бояры сесть Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городам наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям» [21, с. 97].

У каждого общественного слоя, таким образом, была своя чиновная карьера, свой ряд доступных ему чинов. Рекрутирование правящего слоя производилось властью по принципу привилегии за службу, а в качестве привилегий выступали земли, доходные должности по центральному и местному управлению.

Разобраться в особенностях формирования системы гражданской государственной службы невозможно без уяснения политики власти в вопросе государственных расходов на деятельность и содержание управленческого аппарата. Во-первых, в отличие от Европы, обеспечение служилых людей являлось, фактически, заботой всего населения.

Во-вторых, официально была узаконена практика «кормления от дел», которая была частью системы содержания государственных служащих. В-третьих, к XVII в. большинство приказных людей уже получало денежное жалование, которое дополнялось хлебным, соленным, а иногда и поместным окладом. Но система вознаграждения государственных служащих отличалась крайней непоследовательностью и непродуманностью, поскольку размеры жалования были не велики, но и при этом борьба с ростом государственных расходов приводила к попыткам его периодического урезания, а труд младших приказных служащих часто вообще не оплачивался. В-четвертых, придворная и военная служба — обязанность каждого служилого человека, которая отправлялась безвозмездно, а кормление — вознаграждение за нее (управление городом или волостью собственно службою не считалось) [11, с. 315].

Рассмотрим данные положения более конкретно. Сразу следует исключить терминологическую путаницу. В нашем случае понятие «покормиться» (кормление) понимается шире, нежели собственно термин «кормление» как система содержания исключительно местного аппарата управления. В данный период времени, особенно на этапе формирования и начального существования Московского государства различить придворную, военную и гражданскую службу очень сложно. Скудность казны заставляла правительство использовать для содержания армии разнообразные ресурсы всего общества. Ратный человек, в зависимости от ситуации, в мирное время кормился от поместья или вотчины (это кормление лежало на крестьянстве), в военное время на кормление требовалось денежное вспоможение (кроме крестьян его обеспечивали городские промышленные люди). И, наконец, третий вид кормлений — «кормление от дел». От дел кормились люди разных чинов, начиная от боярина до самого мелкого служилого человека. Яркий пример — содержание приказов, где для покрытия расходов к ним приписывались в ведение города или разряды податных людей, с которых аппарат приказа собирал подати [20, с. 74]. Собственно система кормлений, на наш взгляд — это один из видов «кормления от дел».

Социально-правовую сущность доходов от должности выразил четкой и лаконичной формулой стольник А.И. Еропкин: «В том волен великий государь» [7]. Таким образом, «кормление от дел» в Московской Руси было совершенно легальной стороной административной деятельности, освященной социальной политикой государства, где подношения служилым людям в самых различных формах не воспринималось как нечто преступное. Исследователи выделяют различные виды подношений. Н.Ф. Демидова называет «почеть», которая предлагалась заранее для успешного продвижения дела; «поминки», за конкретную работу, с целью ее ускорения, плата за выполнение определенных работ, часть которых и так являлась обязанностью приказных; «посул» (собственно взятка), за нарушение закона (именно и только она и преследовалась государством) [8, с. 141–146]. П.В. Седов относит поминки (в значении гостинцы, подарки) к разновидностям «почести», а для обозначения платы за письменные работы и оформление дел использует термины «от челобитья», «от выписки», «от грамоты» [19, с. 147].

Существо «почести» состояло в самом факте почтения. Можно попытаться выделить наиболее характерные варианты «оказания уважения»: подношение икон, церковных книг, освященной воды, пасхальных яиц; раздача рыбы, соли, калачей, пирогов; кормление приказных обедами, поздравление с праздниками и днями рождения.

Таким образом, относительно указанных видов «почести» отметим, что, во-первых, «почесть» нужно было оказать всем служащим приказа, имеющим отношение к рассматриваемому в прошении делу; во-вторых, подношение давало надежду челобитчику на изначально благожелательное отношение к нему чиновника; в-третьих, можно было принять подношение (икона, небольшое количество рыбы), даже не беря на себя обязательство решить дело в пользу просителя.

Ведение и оформление дел включало в себя следующие виды работ: запись в приказе о поданной челобитной, изготовление выписки по делу, оформление грамоты, в том числе и жалованной, составление описи при уплате денег в казну и т.д. Фактически, существовали традиционные таксы за каждый вид письменных работ. П.В. Седов отмечал, что «от челобитья» у дьяков и подьячих доход в 5–10 раз превышал их годовой денежный оклад. Правительство считало подобный вариант материального обеспечения служащих вполне законным. Более того, в тех приказах (например, Посольский, Казенный), где было мало просителей, в качестве компенсации за отсутствие нужного количества «почести» из казны ежегодно выдавали так называемые «праздничные деньги» [19, с. 144].

Анализ структуры доходов государственных служащих показывает, что собственно государственное содержание, во-первых, было крайне не равным у различных категорий служащих; во-вторых, не могло обеспечить большинству из них достойного существования. Приказная деятельность — ярчайшая иллюстрация данного положения.

Во главе приказа стоял, как правило, боярин или окольничий, иногда для небольших приказов мог быть и думный дворянин. Эти начальники приказов назывались также судьями приказов. Они говорили о себе, что сидят в судьях [22, с. 452]. Помощниками судьям в приказы назначались дьяки, имеющие канцелярские навыки и опыт для ведения делопроизводства. Дьякам в приказах подчинялись подьячие — канцелярские служители из дворян и детей приказных людей. В центральных и, отчасти, в местных органах сложилось квалификационное деление подьячих на три разряда (статьи): «старые» подьячие вместе с дьяком руководили составлением документов; «средние» непосредственно составляли текст документа, наводили справки в архивах; «молодые» осуществляли техническую работу: переписывали документы с учетом того, что непосредственно исправили «старые» и «средние» подьячие.

Начинающий подьячий через несколько лет «верстался» небольшим денежным окладом (от 1 до 5 р. в год). Со временем подьячий мог выслужиться в «старые подьячие» с окладом до 60–65 р. и даже получить поместный оклад [9, с. 67]. М.Н. Тихомиров, обращаясь к смете 1655 г., показывает, как резко различались подьячие даже по жалованью: «В Розрядном столе: 30 рублей — Володимер Самойлов, 8 рублей — Филипп Емчужников, 5 рублей — Герасим Володимиров, по 4 рубли — Фаддей Савин, Ондрушко Максимов, по 2 рубли — Стенка Федоров, Брошка Воинов» [22, с. 454].

На протяжении XVII столетия при общем росте расходов на содержание приказных размеры среднего денежного жалования дьякам не только не выросли, но даже уменьшились — со 100 р. в 1626–1627 гг. до 84 р. в 1656–1657 гг. Причем доля дьяков с высокими окладами сократилась на треть. Средний размер жалованья московских подьячих также уменьшился — с 14,3 р. в 1626–1627 гг. до 12 р. в 1656–1657 гг. и 9,5 р. в 1682–1683 г. Из-за нехватки денег правительство несколько раз пони-

жало оклад подьячим, что привело к появлению категории подьячих, вообще не верстанных жалованием. В 20-х гг. XVII в. такие подьячие еще были исключением (0,9 %), а в 1656 г. их было уже 34%, в 1682–1683 гг. — 40% от общего числа [19, с. 149]. С.М. Соловьев отмечал, что, например, в Разрядном приказе насчитывали 74 подьячих верстанных и 33 неверстанных. Это — доказательство, что можно быть сытыми и без государева жалования, из одной писчей деньги [20, с. 79].

Ко всему, финансовые трудности не позволяли регулярно и полностью выплачивать и эти уменьшенные оклады.

Труд канцелярского служащего того времени легким не назовешь, ведь подьячий вынужден был сидеть в приказе целыми днями, а часто и ночами (рабочий день продолжался от десяти до четырнадцати часов), питаться прямо на рабочем месте (стоимость пирога колебалась от 6 до 12 к.), а из казны получать 12 р. в год. В праздник необходимо было появляться в цветном платье, на одно которое 12 р. не хватало [19, с. 147]. Выход — кормиться «от дел».

Еще одним важным моментом в понимании сущности государственной службы является проблема ее внутреннего правового регулирования. В XV–XVII вв. были сформированы основы административного законодательства, отразившие отдельные направления административной деятельности Русского централизованного государства. Правовые акты (в первую очередь, Соборное уложение 1649 г.) частично определяли структуру, компетенцию и внутренний порядок деятельности органов управления, но специального регламента, разработанного для центральных государственных органов России до XVIII в. и формулировавшего точно их структуру и функции, не существовало. Функционал и должностные обязанности каждого думского чина, приказного служащего, местного управленца четко не обозначался. Интересен в данной связи вывод О. Новохатко, которая полагала, что отсутствие законов, определяющих основные принципы устройства и функционирования приказной системы, как раз и свидетельствуют об отсутствии в ней внутренних противоречий, а, следовательно, о ее устойчивости [13].

Наибольший интерес представляет вопрос о деятельности и правовом регулировании приказной системы, так как именно вокруг приказной работы складывалась гражданская служба как отрасль государственной службы. Приказы совмещали административные и судебные функции, сословия подлежали суду в том приказе, который данной категорией населения ведал (мы уже отмечали, что руководитель приказа именовался еще и судьей).

Администрирование в XVII в. было тесно связано с отправлением судебных функций, поэтому большая часть статей, определяющих основные принципы государственного управления, собраны в гл. X «О суде» Соборного уложения.

Закон регламентировал: режим работы приказов, например, четко определялись рабочие и нерабочие дни государственных служащих (ст. 25); организацию административной и делопроизводственной деятельности приказа (ст. 23), в первую очередь, ход и порядок движения судебных документов (ст. 11, 22); обязанности вспомогательного персонала и санкции за их нарушение (ст. 137–143 о приставах и ст. 144–148 о недельщиках); вопросы нарушения трудовой дисциплины и санкции за их нарушение: отсутствие на рабочем месте без уважительной причины (ст. 24), волокита при рассмотрении дел (ст. 13, 15, 16); принужде-

ние дьяком подъячего совершить подлог документов (ст. 12). Приказные служащие, помимо обязанностей, обладали и правами на защиту своей чести и здоровья. Предусматривались санкции за моральный ущерб государственному служащему (ст. 14, 93), особо защищалось достоинство и здоровье приказных судей (ст. 105).

Анализ законодательства, таким образом, позволяет: во-первых, частично определить должностные обязанности приказных служащих через правовой материал, связанный с вопросами нарушения трудовой дисциплины; во-вторых, утверждать, что предусматривается наказание за ложное обвинение любого служащего центральных административных учреждений, от высших чинов — бояр, до низших — подъячих (различие только в степени ответственности); в-третьих, констатировать, что власть заботилась о поддержании престижа своих государственных служащих.

Особо следует обратить внимание на законы, определяющие составы должностных преступлений и санкции за них. И этот вопрос достаточно широк и многогранен, так как приводит нас к проблеме коррупции, как широко распространенному явлению в среде государственных служащих. К сожалению, само слово чиновник в России зачастую ассоциировалось и ассоциируется со словами «бюрократ», «волокиitchик», «взяточник», «вор». Свидетельством может стать целый ряд пословиц и поговорок, на создание которых был исключительно талантлив русский народ: «Пошел в суд в кафтане, а вернулся нагишом», «Не ходи к воеводе с одним носом, ходи к нему с приносом», «Всяк подъячий любит калач горячий», «Сухая ложка род дерет» [17, с. 93].

Коррупция как правовое явление, возникла на Руси в форме получения взяток (посулов). Именно они находились в поле зрения закона, начиная с XIV в. В Псковской судной грамоте было записано: «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» (ст. 4). Посул первоначально воспринимался как возможность злоупотребления своей властью.

Издание Судебников 1497 и 1550 гг. — первый шаг на пути развития законодательства о коррупционных правонарушениях. Судебник 1497 г. запрещал давать «посул» судьям: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печаловани а не имати» [21, с. 98]. Под посулами в данной статье понималось получение должностным лицом, осуществляющим правосудие или разрешающим спор, гостинцев, поборов, взяток, приносов [5, с. 349]. В Судебнике 1497 г. выделялись и иные запреты по должности для бояр, окольничих дьяков, например, запрещалось выносить судебное решение из мести или по дружбе (ст. 1). Но все эти указанные нарушения, также как и в Псковской судной грамоте, не имели никакой санкции.

Судебник 1550 г. норму, связанную с запретом посулов, изложил значительно проще: «Всякому судье посулов в суде не имати» (ст. 1). Судебник впервые намечает состав должностных преступлений: вынесение членами судейского корпуса неправильного решения в результате получения взятки (ст. 3), составление дьяком за взятку подложного протокола судебного заседания (ст. 4), неправильная запись дьяком за взятку показаний сторон или свидетелей (ст. 4), за которые следует материальная и уголовная ответственность.

Помимо этого необходимо отметить, при правлении царя Ивана Грозного в 1561 г. была введена судебная грамота, которая устанавливала санкции за получение взятки судебными чиновниками местного земско-

го управления. Она гласила: «А учнут излюбленные суды судити не прямо, по посулам, а доведут на них то, и излюбленных судей в том казнити смертною казнью, а животы их велети имати да отдавати тем людям, кто на них донесет» [16, с. 201].

В Соборном уложении 1649 г. тема «посула» разработана с наибольшей полнотой, где в гл. X «О суде закреплялись различные виды коррупционных правонарушений: вынесение несправедливого решения судьей, подделка судебного списка дьяками и подьячими, волокита, с целью вымогательства взятки, отказ судьи от разбора дела, связанный с вымогательством взятки, посул, несправедливое взимание пошлин (ст. 5, 11, 12, 15, 16 и др.). Появляются и новые казусы, например, дача взятки через третьих лиц (ст. 7); расширение круга субъектов подлежащих ответственности за получение взятки за счет лиц, выполняющих те же функции, что и судебные чиновники: «...да и в городах воеводам и диаком и всяким приказным людям за такие несправды чинити тот же указ» (ст. 6); «мнимое посредничество», когда частное лицо якобы для передачи судье берет от взяткодателя предмет взятки, в целях принятия высправдательного решения для давней вознаграждение стороны, а само фактически присваивает это вознаграждение (ст. 8).

Должностное лицо, получившее взятку, может действовать в интересах взяткодателя двояко: либо затягивать выполнение своих должностных обязанностей, либо прямо нарушать закон. И та и другая стратегии, как мы видим, нашли отражение в законодательстве.

Средства в воспитании своих чиновников государство использовало разнообразные — материальные, уголовные, и даже чисто нравственные. Судебник 1497 г. предписывает публичное объявление (проклинать по торгам) о запрещении взяток (ст. 67). От тех времен сохранилась даже молитва, которая рекомендовалась как образец покаяния для дурных чиновников: «...Власти и грады держал от государя и суд несправый по мзде и по посулу. Невинных на казнь и на смерть отправлял — все по мзде и по посулу. Ох мне грешному! Ох мне грешному! Как меня земля не пожрет за мои окаянные грехи!» И так далее, все в том же разоблачительно-уничтожительном тоне [4].

Но все же главное средство воздействия государство находило в наказании. И к моменту принятия Соборного уложения власть окончательно избрала преимущественно уголовно-правовые меры по борьбе с коррупцией.

Следует отметить, что в Судебнике 1550 г. уголовная ответственность наступала в соответствии с феодальным правом-привилегией, когда ответственность должностных лиц за получение взятки зависела от занимаемой должности в суде. Наказание в отношении высших должностных лиц определял сам Государь (ст. 3), а для нижестоящих судебных чинов конкретная мера ответственности определялась в Судебнике — тюремное заключение — для дьяка, торговая казнь, битье кнутом — для подьячего (ст. 4).

Соборное уложение 1649 г. (гл. X «О суде») пошло по пути дальнейшего наращивания устрашающего начала наказания и процесса его исполнения, достаточно четко определяя санкции за должностные преступления чиновников, в первую очередь, «несправый суд». Наказание за него предусматривалось строгое, тем более, что это относилось к государственным чинам высшего ранга. В ст. 5, во-первых, указывалось, что за умышленное вынесение несправильного приговора судья обязан

был из своих средств возместить тройную сумму иска истца, а, кроме того, — выплатить пошлыны, пересуд и правый десяток в пользу государя; во-вторых, у думного человека отнимался его думный чин («отняти честь»), судья не из думных людей подвергался торговой казни; в-третьих, вне зависимости от ранга, чиновник навсегда отстранялся от приказной службы. За подлог документов, совершенный подьячим по указанию дьяка, последнего лишали дьяческого сана и били кнутом, а подьячему отсекали руку (ст. 12). Примеров можно приводить много, но принцип один: как правило — возмещение ущерба, лишение чина, телесные наказания.

Существенной особенностью процесса исполнения наказаний, призванной усилить их превентивное воздействие, был его публичный, позорящий характер. Например, при Борисе Годунове судьи и дьяки, избитые в получении материальной мзды сверх установленных пошлын, подвергались телесному наказанию, сопровождавшемуся бесчестьем. Виновному привязывали к шее кошельки, серебро, мягкую рухлядь, жемчуг, соленую рыбу или иную вещь, взятую им в подарок [23, с. 89].

Иван Грозный повелел дьяка, помимо обычной взятки принявшего гуся, начиненного монетами, вывести на торговую площадь. Царь спросил у палачей, кто умеет разрезать гуся, и приказал сначала отрубить у дьяка ноги по половине икр, потом руки выше локтя и при этом спрашивал: «Вкусно ли гусиное мясо?» и, наконец, отрубить голову. Этот случай считается первой казнью в России за взятку [10, с. 27].

С чем было связано такое распространение взяточничества в московской чиновничьей среде? Выделим лишь несколько факторов, так как данная проблема — вопрос отдельного исследования. Во-первых, признанная государством практика «кормления от дел». Среди общепринятых подношений приказным людям можно выделить крупные траты, которые уже однозначно являлись «посулом». За один документ дьяк или подьячий могли получить в качестве взятки сумму, равную их денежному окладу. Взятка в 100–200 р. считалась достаточно большой. Встречались суммы и покрупнее, например, судья приказа Большого Дворца, покровительствовавший иверским монахам, сообщал, что их противник сулил ему 1 тыс. р. [19, с. 141]. Но взятку всегда можно было выдать за традиционное подношение, благодарственную плату. Во-вторых, коррумпированность, волокита, взятка — порождение государственности. Пока существует публичная власть, имеется и большой соблазн воспользоваться ею для личного обогащения. Но в рассматриваемый нами период взятка провоцировалась собственно недостатками системы вознаграждения государственных служащих. В-третьих, увеличение численности бюрократического аппарата при недостатке средств на его содержание. Вначале слой управленцев был еще очень малочисленным. При Иване III — не более 200 чел. [12, с. 13]. Но в XVII в. ситуация меняется: если в 1640 г. чиновников в центральном аппарате насчитывалось 1 611 чел., то уже в 1690 г. — 4 657 дьяков и подьячих [14, с. 6], а это практически трехкратное увеличение в течение 50-ти лет. И этот слой управленцев включал в себя представителей различных групп населения, благополучие и судьба которых зависели исключительно от государственной службы. В-четвертых, затраты на получение, например, должности воеводы, заставляли местных администраторов возмещать понесенный ими материальный ущерб. В 1648 г. шведская дипломатическая разведка перехватила в Москве жалобу-челобитную, поданную царю, где прямо сказано о поряд-

ке назначения воевод и местной администрации. «...А по иным городам воеводы и приказные люди народ до конца разоряют, все хотят полные руки набрать, ...они свои воеводства так должны были дорого купить, за что всякие люди потом дорого возмещать должны». В челобитной прямо указано, что всеильный в те дни воспитатель юного царя Борис Морозов и царский тесть боярин Милославский «...никого на воеводство не допустят, чтобы сперва свою великую выгоду получить» [18, с. 91]. В-пятых, государство не могло контролировать деятельность каждого чиновника и из-за отсутствия должного механизма контроля, и из-за большой территории Московской державы. С.М. Соловьев писал о ситуации XVII в.: «В городах, ближайших к Москве, воеводы и подьячие кормились умереннее: челобитные мирских людей были доходнее до царя. Но в городах дальних, где именно было до бога высоко, до царя далеко, кормленщики разнуздывались» [20, с. 93].

Таким образом, в XVII в. в России сформировалась система государственных учреждений как в центре, так и на местах, осуществлявшая основные задачи государства в виде административных, военных, судебных, финансовых и других функций. Процесс складывания этой системы шел параллельно с процессом возрастания власти великого князя Московского и царя всея Руси. В государственном аппарате России появилась структура подчиненных друг другу учреждений и органов, иерархическая лестница чиновников, элементы бюрократического централизма — сосредоточение многих распорядительных, исполнительных, судебных функций в приказах, бумажное делопроизводство. Но организацию управления страной сложно определить однозначно только как централизованную. Приказы одновременно сочетали в себе функции как центральных, так и местных учреждений, а руководители административно-территориальных единиц, в первую очередь, — воеводы, являлись представителями центральной власти с достаточно широким кругом полномочий.

Продолжавшийся процесс становления гражданской службы нашел свое выражение в следующем: происходил процесс перерастания служебных чинов в служебные должности с их значительной специализацией; сохранялось восприятие «приказной работы» как непочетной, она не считалась достаточно престижной, особенно для аристократии, которая видела в ней «поруху» своей чести (то ли дело — служба военная); сформировалось четкое представление каждого служилого человека о своем месте в обществе. Иерархичность служилого чина выражалась в целой конструкции прав, обязанностей, престижей, состояний. Моделировался образ поведения и, в конечном счете, создавалась система этико-правовых норм и привилегий. Но борьба за привилегии на деле означала борьбу за возможность подключиться к известному, более высокому статусу.

На протяжении периода Московского царства взгляд на службу неизменным не оставался. Особенно это характерно для XVII в., когда было отменено местничество. Это принципиально изменило отношение сословного положения служилого человека к служебному чину. Государство постепенно выходило за узкие рамки прямой связи генеалогического слоя со служебным чином. Теперь уже приобретение определенного служилого чина могло «ввести» человека в состав высшего служилого класса. Так, еще больше разрушалось родовое основание лестницы чинов Московского царства. Возникла тенденция «уравнивания» службы, размывания чиновных границ. Но только при Петре это приведет к единству «шляхетского сословия».

Список использованной литературы

1. Буганов В.И. Российское дворянство / В.И. Буганов // Вопросы истории. — 1994. — № 1. — С. 29–41.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д.: Феникс, 1995. — 640 с.
3. Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие / отв. ред. А. Оболенский. — 2-е изд. — М.: Дело, 2000. — 440 с.
4. Гремин А. Как разворачивали Россию. История отечественной коррупции [Электронный ресурс] / А. Гремин. — URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/03/15/5286096.html>.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. — Т. 3. — 750 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. — Т. 4. — 683 с.
7. Дано двадцать шесть алтын дьячихи и детем ево. [Электронный ресурс]. — URL: <http://druzhkovka-news.ru/pskovskie-istochniki-po-istorii-korrupcii-v-rossii>.
8. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н.Ф. Демидова. — М.: Наука, 1987. — 230 с.
9. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. — М.: Высш. шк., 1968. — 368 с.
10. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников. — СПб.: Альфа, 1997. — 351 с.
11. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. — Т. 2: Курс русской истории. — М.: Мысль, 1987. — Ч. 2. — 446 с.
12. Нараев В.Н. Профилактика проявления коррупции. Возможные последствия для общества: учеб. пособие / В.Н. Нараев, П.А. Аркин, А.Б. Гуркин и др. — СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2008. — 64 с.
13. Новохатко О. Бюрократы XVII столетия [Электронный ресурс] / О. Новохатко. — URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200404504>.
14. Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии / Н.И. Павленко // Вопросы истории. — 1989. — № 12. — С. 3–17.
15. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди / Н.П. Павлов-Сильванский. — М.: Крафт+, 2000. — 288 с.
16. Развитие русского права в XV–первой половине XVII вв. — М.: Наука 1986. — 288 с.
17. Русское народное поэтическое творчество. — Л.: Просвещение Ленингр. отделение, 1987. — 478 с.
18. Савинов А. «Барашки в бумажке»: взяточничество на Руси — дело привычное. До сих пор / А. Савинов // Знание-сила. — 2007. — № 1. — С. 90–94.
19. Седов П.В. Подношения в Московских приказах XVII века / П.В. Седов // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 139–150.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / С.М. Соловьев. — М.: Соцэкгиз, 1962. — Кн. 7. — 725 с.
21. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. — М.: Юрид. лит., 1985. — Т. 2. — 520 с.
22. Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 686 с.
23. Торопов А. История законодательства об ответственности за взяточничество в Российской империи / А. Торопов // Адвокат. — 2008. — № 9. — С. 86–92.

References

1. Bugarov V.I. Rossiiskoe dvoryanstvo / V.I. Bugarov // Voprosy istorii. — 1994. — № 1. — S. 29–41.
2. Vladimirs-kii-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava / M.F. Vladimirs-kii-Budanov. — Rostov n/D.: Feniks, 1995. — 640 s.
3. Gosudarstvennaya sluzhba (kompleksnyi podkhod): ucheb. posobie / otv. red. A. Obolonskii. — 2-e izd. — M.: Delo, 2000. — 440 s.

4. Gremin A. Kak razvorovyvali Rossiyu. Istoriya otechestvennoi korruptsii [Elektronnyi resurs] / A. Gremin. — URL: <http://rus.ruvr.ru/2010/03/15/5286096.html>.
5. Dal' V. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V. Dal'. — M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1955. — T. 3. — 750 s.
6. Dal' V. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V. Dal'. — M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1955. — T. 4. — 683 s.
7. Dano dvattset' shest' altyn d'yachikhi i detem evo. [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://druzhkovka-news.ru/pskovskie-istochniki-po-istorii-korruptcii-v-rossii>.
8. Demidova N.F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii v XVII v. i ee rol' v formirovanii absolyutizma / N.F. Demidova. — M.: Nauka, 1987. — 230 s.
9. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii / N.P. Eroshkin. — M.: Vyssh. shk., 1968. — 368 s.
10. Kirpichnikov A.I. Vzyatka i korruptsiya v Rossii / A.I. Kirpichnikov. — SPb.: Al'fa, 1997. — 351 s.
11. Klyuchevskii V.O. Sochineniya: v 9 t. / V.O. Klyuchevskii. — T. 2: Kurs russkoi istorii. — M.: Mysl', 1987. — Ch. 2. — 446 s.
12. Naraev V.N. Profilaktika proyavleniya korruptsii. Vozmozhnye posledstviya dlya obshchestva: ucheb. posobie / V.N. Naraev, P.A. Arkin, A.B. Gurkin i dr. — SPb.: SPbGTI(TU), 2008. — 64 s.
13. Novokhatko O. Byurokraty XVII stoletiya [Elektronnyi resurs] / O. Novokhatko. — URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200404504>.
14. Pavlenko N.I. U istokov rossiiskoi byurokratii / N.I. Pavlenko // Voprosy istorii. — 1989. — № 12. — S. 3–17.
15. Pavlov-Sil'vanskii N.P. Gosudarevy sluzhilye lyudi / N.P. Pavlov-Sil'vanskii. — M.: Kraft+, 2000. — 288 s.
16. Razvitie russkogo prava v XV–pervoi polovine XVII vv. — M.: Nauka 1986. — 288 s.
17. Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. — L.: Prosveshchenie Leningr. otd-nie, 1987. — 478 s.
18. Savinov A. «Barashki v bumazhke»: vzyatochnichestvo na Rusi — delo privychnoe. Do sikh por / A. Savinov // Znanie-sila. — 2007. — № 1. — S. 90–94.
19. Sedov P.V. Podnosheniya v Moskovskikh prikazakh XVII veka / P.V. Sedov // Otechestvennaya istoriya. — 1996. — № 1. — S. 139–150.
20. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 kn. / S.M. Solov'ev. — M.: Sotsekgiz, 1962. — Kn. 7. — 725 s.
21. Sudebnik 1550 goda // Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. / pod red. A.N. Nasonova, L.V. Cherepnina, A.A. Zimina. — M.: Yurid. lit., 1985. — T. 2. — 520 s.
22. Tikhomirov M.N. Trudy po istorii Moskvy. — M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. — 686 s.
23. Toropov A. Istoriya zakonodatel'stva ob otvetstvennost' iz vzyatochnichestvo v Rossiiskoi imperii / A. Toropov // Advokat. — 2008. — № 9. — S. 86–92.

Информация об авторе

Шободоева Анна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: ktig@isea.ru.

Author

Shobodoeva Anna Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: ktig@isea.ru.